

Н. Белоголовый

**Сергей Боткин. Его жизнь и
врачебная деятельность**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-94
ББК 63.3-8
Н11

H11   **Н. Белоголовый**
Сергей Боткин. Его жизнь и врачебная деятельность / Н. Белоголовый – М.:
Книга по Требованию, 2021. – 78 с.

ISBN 978-5-4241-3303-9

Эти биографические очерки были изданы около ста лет назад в серии «Жизнь замечательных людей», осуществленной Ф. Ф. Павленковым (1839–1900). Написанные в новом для того времени жанре поэтической хроники и историко-культурного исследования, эти тексты сохраняют ценность и по сей день. Писавшиеся «для простых людей», для российской провинции, сегодня они могут быть рекомендованы отнюдь не только библиофилам, но самой широкой читательской аудитории: и тем, кто совсем не искушен в истории и психологии великих людей, и тем, для кого эти предметы – профессия.

ISBN 978-5-4241-3303-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021
© Н. Белоголовый, 2021

Н. А. Белоголовый
Сергей Боткин. Его жизнь и
врачебная деятельность

*Биографический очерк доктора Н. А.
Белоголового
С портретом Боткина, гравирован-
ным в Петербурге К. Адтом*

Предисловие

С. П. Боткин принадлежит к числу самых блестящих деятелей русской науки XIX века. Его заслуги в области русской медицины так обширны, значение их так велико, что они не могут быть вполне оценены в настоящее время, и только будущему веку, когда наше национальное самосознание станет более спокойным и более трезвым, предстоит исполнить этот долг с надлежащим беспристрастием и хладнокровием. Теперь же, когда мы находимся под слишком свежим впечатлением от его смерти, когда громадное обаяние его личности еще слишком живо продолжает воздействовать на всех близко его знавших, писать его биографию несколько преждевременно, потому что трудно сохранить необходимый для биографа беспристрастный и объективный тон. Приступая по предложению издателя «Биографической библиотеки» к составлению биографии С. П. Боткина, мы ясно понимаем трудность этой задачи и чистосердечно сознаемся, что дать полное понятие о гениальной личности Боткина мы не могли бы и не сумели; единственное наше желание, – чтобы читатель из нашего бледного очерка почерпнул хотя бы некоторое представление о необыкновенных свойствах этого человека, заключавшихся в редком сочетании выдающейся талантливости с феноменальной преданностью труду и безграничной любовью к избранной им науке не столько, пожалуй, в кабинетной ее разработке, сколько в прямом приложении ее к жизни, к служению человечеству. Этому служению Боткин отдал целиком не только все свои способности и всю свою жизнь, отыхая лишь по крайней необходимости, но, как видно будет после, он, без преувеличения, «за други положил живот свой». Это был альтруист, альтруист не идеиний, а непосредственный вследствие необыкновенного любящего характера своего и гуманизма самой науки, которой он был представителем, а главное, альтруист неутомимо деятельный в силу своей небывалой трудоспособности. Для молодых поколений жизнь Боткина поучительна еще и тем, что, будучи вся отдана на благо других, на облегчение чужих страданий, она служила для него самого источником полного нравственного удовлетворения и самых чистых наслаждений, так что и умирая он не переставал повторять, что нет большего счастья на земле, как этот непрерывный и самоотверженный труд на пользу близких, а самым веским подтверждением искренности его слов может быть приведено то, что из пяти оставшихся после него сыновей трое, по его совету, избрали для себя медицинскую карьеру.

Трудность составления биографии Боткина для нас лично усугублялась еще и тем, что писать ее приходилось за границей, вдали от всяких живых и мертвых источников, столь необходимых для подробной и всесторонней характеристики описываемого лица. Вот почему настоящий очерк цельной характеристики Боткина не дает, а, скорее, знакомит с теми биографическими данными, которые находились в нашем распоряжении и послужат хорошей канвой для будущих, более объективных биографов. А данных этих было немало, потому что меня соединяла с Боткиным более чем сорокалетняя дружба, никогда не омрачившаяся ни недоразумениями, ни размолвками и не допускавшая никаких больших тайн между нами: мы вместе в один день поступили в пансион Эннеса, вместе перешли в университет и одновременно закончили университетский курс; после

того дороги наши разошлись, потом снова сходились и снова расходились; он всю жизнь свою провел в Петербурге, я же как кочевой человек – то в Сибири, то в Петербурге, то за границей; но наша связь никогда не прерывалась и поддерживалась постоянной перепиской. По счастью, большая часть писем Боткина у меня сохранилась и они-то помогли мне при отсутствии всяких других пособий восстановить более или менее полно и точно всю жизнь его. Наконец обстоятельства сложились так, что привели меня в 1889 году в Ментону, где происходила последняя борьба этого сильного организма со смертью, – и на моих глазах он умер.

Москва. 1825 год. Вид с Воробьевых гор. *Художник С. Кадель.*

Глава I

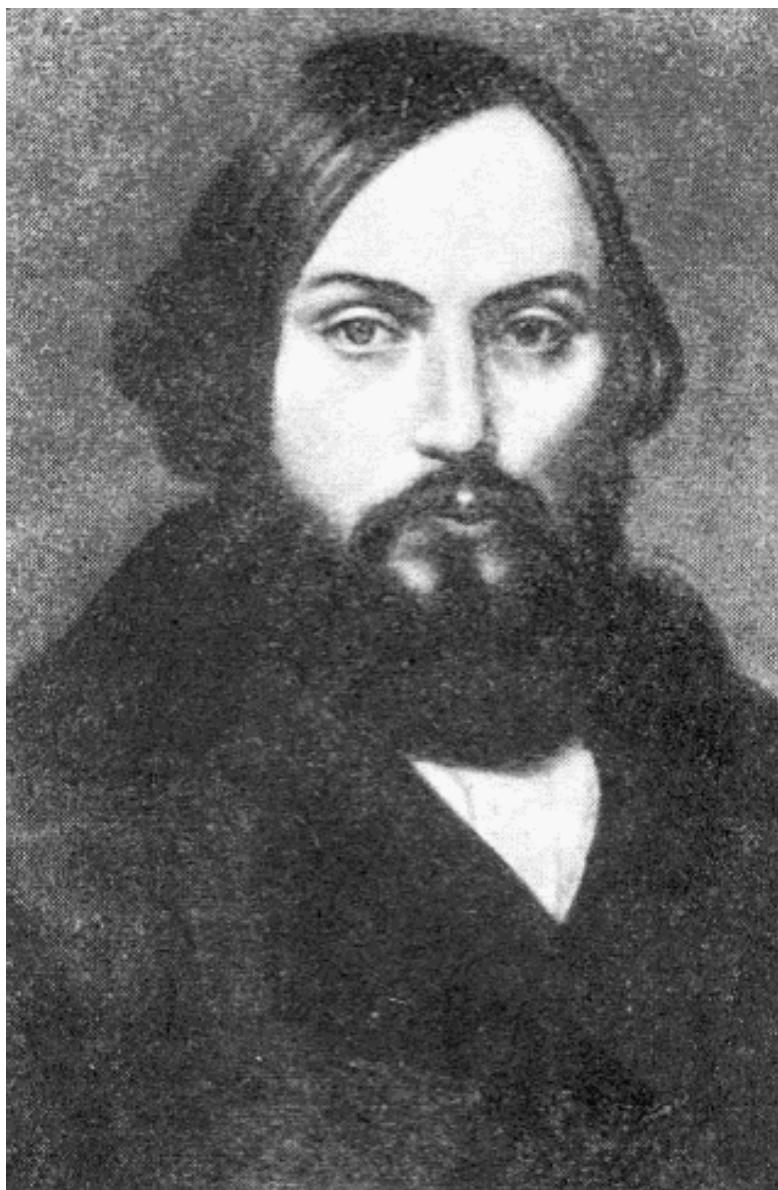
Сведения о семье Боткина. – Его воспитание в пансионе Эннеса в Москве. – Поступление в Московский университет и пребывание в нем. – Студенты и профессора того времени и тогдашний дух преподавания на медицинском факультете

С. П. Боткин происходил из чистокровной великорусской семьи без малейшей примеси иноземной крови и тем самым служил блестящим доказательством, что если к даровитости славянского племени присоединяются обширные и солидные познания вместе с любовью к настойчивому труду, то племя это способно породить самых передовых деятелей в области общеевропейской науки и мысли.

Василий Петрович Боткин. *30-е годы 19 века.*

Михаил Петрович Боткин

Генеалогия Боткина – самая немудреная и теряется в серой крестьянской среде: прадед или дед его был крестьянином Псковской губернии, переселившись в Москву и занявшимся торговлей. Но уже отец Боткина, Петр Кононович, был зажиточным московским купцом, имел обширные торговые дела и сумел сделаться одним из видных организаторов и представителей чайной торговли в Кяхте. Это само по себе показывает, что он был человеком деятельным и незаурядным, но еще лучшим доказательством его врожденного ума может служить то обстоятельство, что все его потомство, очень многочисленное, как сейчас увидим, отличалось более или менее недюжинными способностями. Боткин-отец был женат два раза и от обоих браков оставил после себя в живых девять сыновей и пять дочерей. Старший из сыновей – известный в литературе и в истории русского просвещения Василий Петрович Боткин – замечателен сам по себе как редкий пример самородной даровитости, потому что без такой даровитости трудно объяснить, под влиянием каких условий этот сын московского торговца чаем, предназначавшийся для торговли за прилавком, не прошедший через ту или другую высшую школу обучения, так образовал и развил себя, что, не достигнув еще и 30-летнего возраста, является одним из деятельных членов того небольшого кружка передовых наших мыслителей и литераторов, к которому принадлежали Белинский, Грановский, Герцен, Станкевич, Огарев и другие, и пользуется в этой блестящей плеяде репутацией одного из лучших истолкователей Гегеля, увлекавшего в то время эти молодые, искавшие света умы. Его собственные литературные труды, и особенно «Письма об Испании», снискали ему в публике заслуженный успех и, помимо его гегельянства, создали ему большую известность как знатоку классических произведений по всем отраслям искусств и как человеку, обладавшему тонким эстетическим вкусом. Остальные братья если и не завоевали себе такой громкой известности, как Сергей и Василий, однако считались людьми умными и более или менее выделялись своим образованием и развитием над уровнем среднего столичного общества; при этом всех братьев объединяли самая искренняя дружба и замечательное единодушие, несмотря на то, что сферы деятельности их были самыми разнообразными.

Вследствие этого семья Боткиных являлась в Москве ярким оазисом, в котором всякий интеллигент, заезжий или москвич, всегда чувствовал себя особенно приятно и тепло, всегда находил умную беседу и живой отклик на все вопросы современности не только русской, но и европейской, и редкий из тогдашних корифеев литературы не побывал в доме Боткиных, где, между прочим, на нижнем этаже проживал последние годы своей жизни профессор Грановский, находившийся тоже в близких отношениях с хозяевами; связь семьи Боткиных с ученым и литературным миром еще более упрочилась, когда одна из дочерей Петра Кононовича вышла замуж за поэта Фета, а другая – за московского профессора Пикулина.

Петр Кононович Боткин. *20-е годы 19 века. Русский художник.*

Здесь-то, в этом доме на Маросейке, в Петровериговском переулке, в доме, принадлежавшем ныне одному из братьев, П. П. Боткину, и повидавшем на своем веку чуть ли не всех лучших наших деятелей 30–40-х годов, протекли детство и юность Сергея. Родился он 5 сентября 1832 года от второго брака отца с А. И. Постниковой и был в семье по счету одиннадцатым ребенком. Петр Кононович в период детства младших детей был уже в преклонных летах, к тому же постепенное расширение торговых дел поглощало все его внимание, а потому все заботы о воспитании их легли на старшего сына Василия. В руках этого последнего, как человека, высоко почитавшего образование, оно неизбежно должно было стать более солидным и разносторонним, чем того требовали понятия тогдашнего московского купечества. Одним из домашних учителей Сергея был А. Ф. Мерчинский, в то время студент-математик Московского университета, а теперь 70-летний старец, доживающий свой век в окрестностях Дрездена, человек очень умный и живой, к которому Боткин до самой смерти питал теплую и искреннюю дружбу. Уже в этом раннем возрасте С. П. Боткин обнаружил прекрасные способности и большую любовь к учению, и Василию Петровичу удалось уговорить отца отдать его полупансионером в находившийся тут же поблизости от дома частный пансион Эннеса, куда он и поступил в августе 1847 года.

Анна Ивановна Боткина. *К. А. Горбунов. Акварель. 1834.*

Пансион этот считался тогда лучшим в Москве и вполне оправдывал свою репутацию прекрасной постановкой преподавания, чего Эннес достигал умелой вербовкой учителей среди молодых кандидатов, только что кончивших курс в Московском университете. Достаточно сказать, что во время пребывания Боткина в пансионе преподавателями в нем были такие талантливые учителя, как известный собиратель древнерусских преданий и народных сказок А. Н. Афанасьев, дававший уроки русского языка и русской истории, не менее известный впоследствии профессор политической экономии И. К. Бабст, занимавшийся в пансионе уроками всеобщей истории, а математику преподавал Ю. К. Давидов, занявший вскоре кафедру математики в Московском университете. В описываемое время все это были молодые люди, не заеденные рутиной, с юношескою горячностью относившиеся к преподаванию, а потому легко зажигавшие страсть к своим предметам в сердцах тех учеников, в которых таилась искра Божия. Преподавание языков тоже велось такими опытными учеными лингвистами, какими были Клин, Фелькель и Шор, состоявшие одновременно лекторами иностранных языков и в